

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 24-го Ноября 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11752.

РОЗОВЫЙ УЗОРЬ.

...Дорогой Саша, конечно, я не пропалъ, конечно, хорошо помню, что я студентъ что занятія уже начались, и еще лучше тебя знаю, что у меня за три курса накопилось не мало грѣховъ; но, милый мой, мнѣ здѣсь такъ удивительно хорошо.

Рассказать? Не дождусь личной встречи. Переполненъ моими впечатлѣніями.

Да теперь и часъ такой, что располагаетъ къ откровенности.—одиннадцать.

Лампа въ моей комнатѣ яркая, веселая. Совсѣмъ не похожа на наши студенческія коптилки. Старуха няня принесла мнѣ чаю. Это у насъ всегда послѣ ужина.

Хорошій, братъ, домъ, патріархальный, съ чаями, пирогами, сморщенными нянѣками, старинными иконами, обильнымъ вареньемъ, соленъемъ и розовыми лампадами!

А крыльцо наше, которое такъ упоительно скрипѣтъ и неизмѣнно напоминаетъ мнѣ эпоху кринолиновъ!

А старый песь Гекторъ, на которомъ я въ дѣтствѣ ъздила верхомъ.

Не буду ужъ говорить о моемъ почтенномъ дядѣ. Это ты хорошо знаешь по моимъ многочисленнымъ рассказамъ.

Ты любишь большой городъ и всегда стремишься улетѣть

Эмиль Верхарнъ,
знаменитый бельгійскій поэтъ.
(Къ пріѣзу въ Россію).

отъ родныхъ къ своему университету, а я напротивъ. Я люблю провинцію.

Здѣсь каждый домикъ имѣетъ свое выраженіе. Въ немъ жили изъ рода въ родъ обильной семьей. Рождались, старились, умирали, не покидая милыхъ, насиженныхъ угловъ.

Такихъ домовъ почти нѣть въ большихъ городахъ. Тамъ не дома, а постоянные дворы. Они не уютны, они походять на казармы, и живутъ въ нихъ разные люди, быстро и часто переползая съ одной квартиры на другую.

Дома безъ семейныхъ преданій, разсказовъ,—холодные, угрюмые.

А внутри,—какъ все мило въ провинціальномъ домикѣ! Прочная тяжелая мебель, незатѣйливая, но удобная; насколько она серьезнѣй и прекраснѣй этихъ тонконогихъ модернистскихъ стульевъ и диванчиковъ, въ которыхъ тоже сказывается надломленный духъ времени.

Старая, скромная картина на стѣнахъ,—здѣсь зимній вечеръ, тамъ боярская свадьба или одной нагой женщины, или декадентского паяца.

А печи! Какая поэзія! Потрескиваетъ уголь. Слабо освѣщена комната, на полу отъ этой печки—горячій красный кругъ. На этомъ кусочкѣ пола цѣлое собраніе. Въ центрѣ, важно раскинувшись обогрѣтыя ноги, лежитъ

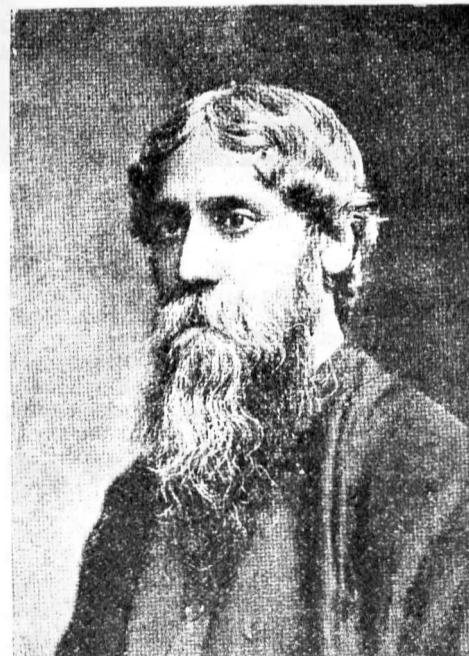
Нобелевскіе лауреаты.

Проф. лейденскаго университета

Камерлингъ Оннесъ.

Получилъ нобелевскую премію по физикѣ

Индійскій поэтъ,
Рабиндра Натъ-Тагоръ,
получившій нобелевскую премію по литературѣ.

Альфредъ Вернеръ,
профессоръ цюрихскаго университета. Получилъ нобелевскую премію по химії.

Гекторъ. -У его брюха боязли-
вымъ комочкомъ
прютился мой ма-
ленький песикъ
Шарикъ, и тутъ
жетихо мурлычетъ
рыжий Віськи—
полноправный
членъ этой милой
республики. Иног-
да въ счастливый
уголокъ (въ сто-
ловой) попадаетъ
дворовая собака
Линда, осторож-
но разваливается,
ближе къ огню, и
дѣгъя не остается
только просить:
«Подзиньте ваши
ножки».

Ты называшь
все это сантимен-
тальностью, а мнѣ
такъ безумно нра-
вится весь этотъ
тихій и прочный
укладъ жизни. По-
этому я всегда и
задерживаюсь до
ма, въ мѣсѣ ма-
ленькомъ городкѣ.

Но на этотъ
разъ есть и другая
причина. Тише.
Прошу вниманія.

Это и есть самое главное.

Какъ только я прѣхалъ на кани-
кулы,—меня тотчасъ начали рвать во
всѣ стороны. Ты самъ знаешь.—сту-
дентъ въ провинції цѣнится гораздо
выше, безъ него не обходится поря-
дочный вѣчеръ. Онь и кавалеръ, и
женихъ, и дирижеръ танцевъ, и репе-
титоръ. Вѣбѣщъ, — «молодой человѣкъ,
подающій надежды».

Но вотъ, пригласи и меня съ сест-
рой на сдану вечеринку.

Спрѣшаю ее:

— Люси, что это за Чернояровы?
Кто у нихъ есть, кромѣ гимназиста
Петя?

— Валентина, сестра. Она въ седь-
момъ классѣ.

Старался припомнить и не припо-
мнилъ. Вѣдь, когда я самъ учился въ
гимназіи, эта Валентина, вѣроятно,
еще подъ столомъ ходила.

— Интересно? Стоитъ пойти?

— Интересно. У нихъ многіе бы-
ваютъ.

Вечеромъ почистился, принарядился,
одѣлъ сюртукъ и отправился съ ви-
домъ скучающаго, но серьезного че-
ловѣка, котому чужды всѣ вечеринки
и всѣ Валентины вообще.

И представь себѣ,—быль сразу
очарованъ.

Сознайтесь, что за послѣдніе го-
ды мнѣ ужасно надѣло все утончен-
ное и рафинированное, что раньше
мнѣ казалось такимъ прекраснымъ.

Опротивѣли наши новые поэты и
писатели, кровавыя драмы въ кинемато-
графахъ, узенькия платьица на ули-
цахъ и въ гостинныхъ модныя духи,
модныя улыбки, разговоры, флиртъ,
футболь, спиритизмъ и т. д.

Пришелъ къ этимъ Чернояровымъ
и словно попалъ въ другой міръ. Ма-
ленькое уютное зальце, освѣщенное
крохотной люстрочкой. Вдоль стѣнъ
группы барышень и кавалеровъ,—все

Монгольская миссія, прибывшая въ Петербургъ, а затѣмъ въ Ялту, по вопросамъ по-
литического и экономического характера, вытекающимъ изъ русско-китайского договора
по дѣламъ Монголіи.

Члены миссіи. Въ первомъ ряду сидятъ: тов. м-ра юстиціи, затѣмъ глава миссіи—предѣдатель мон-
гольскаго совѣта м-ровъ кн. Сайнъ-Фоннъ-Ханъ, тов. м-ра иностр. дѣлъ и тов. военнаго м-ра. Стоятъ:
состоящий при миссіи штаб.-кап. Гадрихъ, драгоманъ Джамсараповъ и Г. Козинъ, прикомандированный
къ миссіи отъ м-ра иностр. дѣлъ.

† Н. Д. Костинъ.

10-го ноября скончался въ Петербургѣ отъ рака желудка извѣстный аѣторъ Н. Д. Ко-
стинъ. Въ послѣднюю войну на Балканахъ
онъ поступилъ на службу въ болгарскую ар-
мію и совершилъ рядъ смѣлыхъ воздушныхъ
рекогносцировокъ во время осады Адріанополя.
Въ одну изъ этихъ рекогносцировокъ,
вслѣдствіе порчи мотора, аѣторъ принуж-
денъ былъ опуститься на непріятельской тер-
риторіи. Онъ оставался въ пѣнѣ и турокъ
вплоть до сдачи Адріанополя.

гимназистки и гимназисты. И все ро-
зовое. Лицки розовые, платьица ро-
зовыя. Даже слова и смѣхъ казались
мнѣ розовыми. Всѣ говорили, не слушая
плечомъ къ моему плечу.

— Видите, я немножечко ниже васъ.
— Да, на цѣлую голову.
— Но я же еще буду расти, Прав-

лу и сама всѣхъ
надѣляла конфек-
тами и орѣхами.
Вкуснѣ были кон-
фекты и яблочки
изъ ея полныхъ
розовыхъ рукъ.

Только что ото-
шелъ отъ нея, какъ
ко мнѣ подбѣжалъ
Петя, а затѣмъ
какъ тостройная
тоненкья егоза.

Егоза была въ
розовомъ платьи-
цѣ и бѣлыхъ ту-
фелькахъ. Чер-
ные локони об-
рамляли ея краси-
вое продолгова-
тое лицико. Губы
улыбались, глаз-
ки смотрѣли не-
много лукаво, скро-
ре смущенно, а
вся фигурка слов-
но трепетала.

Эта егоза и ока-
залась Валенти-
ной.

Мы сѣли на ди-
ванъ, и она тог-
часъ очистила мнѣ
громадное анти-
новское яблоко.

— Много. По-
поламъ?

— Ну хорошо.
Запустила зубки въ яблоко и улы-
бнулась мнѣ глазами.

— Вы меня помните?
— Нѣтъ, Валентина Александровна.
— У, какъ длинно! Покороче. Меня
всѣ зовутъ Валей.

— Хорошо. Будемъ какъ всѣ. Не
поюю, Валя. Въ мое время (я важна
нахмурилъ бровы) вы, вѣроятно, были
еще во второмъ классѣ.

— Не важничайте. Я была уже въ
третьемъ и отлично вѣсъ помню. Вы
каждый вечеръ гуляли на Николаев-
ской и всегда смотрѣли ужасно стро-
го. Я думала, что изъ васъ выйдетъ
профессоръ.

— Можетъ быть, и выйдетъ.

Валентина посмотрѣла на меня съ
легкимъ удивленіемъ.

Я разсмѣялся:
— Огчено, Валя, вы такъ смотрите?
— Ничего.

— Неужели, теперь не похожъ на
человѣка, которыи можетъ сдѣлаться
профессоромъ? Еще не поздно.

— Не похожи.

— Какъ же перемѣна?

— Ну, трудно сказать такъ! Глаза
веселые. Смѣется. Сюртукъ.

— И сюртукъ... Словомъ, видѣлъ лег-
комысленный.

— Вотъ именно.

— А главное, Валя, въ томъ, что вы
сами выросли и стали почти взрослой.

Она покраснѣла и довольно улы-
бнулась.

— Еще немножечко—и буду совсѣмъ
взрослая. Правда?

— Конечно.

Она вдругъ вскочила.

— Встаньте. Ну, встаньте.

Я поднялся. Валя встала рядомъ,
плечомъ къ моему плечу.

— Видите, я немножечко ниже васъ.

— Да, на цѣлую голову.

— Но я же еще буду расти, Прав-

да, что росгутъ до двадцати пяти
лѣтъ?

— Кажется, правда.

— Ахъ, вальсы! Я больше всего
люблю вальсы.

Она лукаво взглянула на меня. О-
милая егоза, не нужно было этого лу-
кавства, я все равно пригласилъ бы
тебя!

Кто то весело игралъ „На сопкахъ“.
Пары закрутились. Я съ улыбкой
опытнаго столовича склонилъ
голову къ дѣвушкѣ и кротко, и лас-
ково, и важно сказалъ:

— Позвольте просить васъ на этотъ
первый вальсъ.

Мы закружились.

— Васъ не беззокоятъ мои волосы?
(Ея кудри разлетались во всѣ сто-
роны).

— Нисколько. Они ласкаются и хо-
рошо такъ пахнутъ.

— Ну, ласкаются? Какъ вы говори-
те! Я ихъ не душила.

За ужиномъ мы, конечно, сидѣли
вмѣстѣ.

Я разсказывалъ самая невѣроятныя
вещи. Все вмѣстѣ. О квартирной хо-
зяйкѣ, которая дала мнѣ поломанную
желѣзную кровать, о пивной, где мы
проводили наши субботы, о товарищѣ
Ивановѣ, который занимается
боксомъ, о томъ случаѣ, когда мы съ
тобой били стекла въ какомъ то фи-
нгель, о современномъ искусстве, о
гостинномъ дворѣ и
просто сказки, кото-
рыя сами лѣзли мнѣ
въ голову и удиви-
тельно занимали мою
сосѣдку. А мнѣ все
время только хотѣлось, чтобы она
была веселой и смѣ-
ялась. Тогда осо-
бенно прекраснымъ
было ея лицико. Мнѣ
казалось, что смѣя-
лись и ея локони, и
ея розовое платье.

— Дать вамъ шпро-
товъ?

— Я самъ. Ку-
шайте.

— Ну вы тѣйтѣ еще
за мѣ здоровье.

— Хорошо, только
рябинники.

— Такъ вы мечга-
те жить на югъ?

— Да. Маленькая
дачка. Бѣлая, бѣлая.
Выдѣшь утромъ—и
прямо у террасы ве-
селое зеленое море.

Купайся хоть весь день. Солнцѣ мнѣ
своя длинная лодочка, которая, сколь-
зить по водѣ, словно танцуетъ!

— Ахъ, я тоже люблю югъ. Мнѣ
сейчасъ захочется Ѳѣть на лодкѣ.

— И поѣдѣмъ, лѣтомъ.

— Я вѣмъ налила.

— Довѣльчо.

— Ну за мое здоровье.

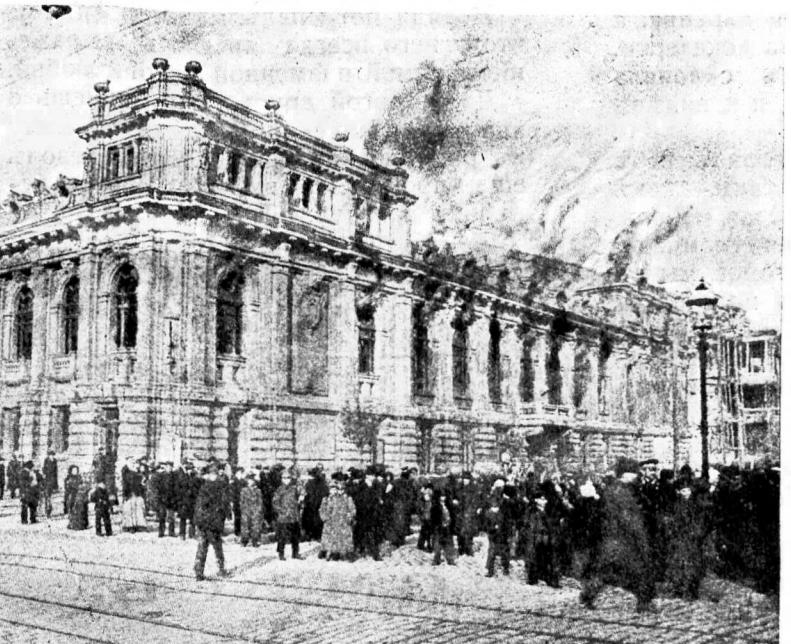
И когда выпилъ,—поцѣловалъ ти-
хонько ея ручку.

Чѣрнобровый гимназистъ напротивъ,
Митя Осековъ, бросалъ на меня недовольные взгляды, а на Валю
смотрѣлъ съ явнымъ упрекомъ. Нѣв-
ничачъ. Дѣвѣлъ видѣлъ, что маго
пить. Напряженныи повышеннемъ
олосомъ заявлялъ, что онъ ищетъ

Мелли Безе,

извѣстная нѣмецкая аѣторша, летающая на
аэропланѣ, который она сама конструировала
и построила на управляемомъ ею заводѣ въ
Іоганністальѣ. М. Безе снята у рабочаго
стакана.

Пожаръ театра Сибириакова въ Одессѣ.

забвенія въ винѣ, что онъ убѣжен-
ный нищешансъ и считаетъ правиль-
нымъ аѳризмъ;

— Когда идешь къ женщинѣ, не
забудь захватить плећь.

Этотъ аѳризмъ онъ повторилъ
разъ пять, при этомъ дергалъ пуго-
вицы своего гимназическаго мунди-
рчика и бросалъ въ нашу сторону пре-
зрительные взгляды. Не подѣствова-
ло. Валя хохотала и слушала мои сказ-
ки. Мнѣ даже жаль стало маленькаго
нищешанса. Я протянулъ къ нему свою
руку и сказала:

— Коллега, Митя Осековъ, поз-
волите съ вами чокнуться. Выпьемъ
за нѣмецкую философию и метафизи-
ку любви.

Право, дорогой мой, я провѣрялъ
себя и боролся.

Послушай-ка, говорилъ я самому
себѣ,—что это съ тобой случилось?

Митя смущалася, чокнулся и больше
не бросалъ въ мою сторону ядови-
тыхъ взглядовъ.

Вѣ кругомъ захочатъ, громче
всѣхъ Валя. Воображаю, какъ болѣ-
знью отозвалася этотъ смѣхъ въ
сердѣ моего „соперника“.

— Слушайте, Валя,—онъ, кажется,
въ вѣсъ влюбленъ.

Дѣвушка посмотрѣла на меня смущенными
совѣтѣ прозрачными глазами:

— Вы думаете? Какой вопросъ! Ми-
тия всегда такой странный.

Тебя считали положительнымъ, серьезнымъ человѣкомъ—и вдругъ любовь къ какой то розовой провинціалочкѣ, которая, кажется, умѣеть только смеяться, танцевать и потряхивать своей кудрявой головкой.

Но мой серьезный тонъ быстро срывалялся, нравоученія не удавались, и не умомъ, а сердцемъ я понималъ, что въ рукахъ этой тоненькой розовой дѣвушки—большое, ясное, волнующее счастье.

Вчера я провелъ вечеръ у Чернояровыхъ.

Пухлая мама была чѣмъ то занята, и у самовара хозяйничиала Валя. Милая егоза,—она была совсѣмъ серьезной и чудесно выполняла роль хозяйки.

Такой простой вопросъ: „Вы крѣпкий пьете или слабый?“ прозвучалъ въ ея устахъ такъ нѣжно, словно она говорила:

— Вы мнѣ счѣнѣ нравитесь... Когда ея братъ Петя вышелъ зачѣмъ то изъ комнаты, я быстро спросилъ:

— Помните, Валечка, наши вальсы?

— Помню, отвѣтила она и покраснѣла, и стала быстро, быстро мѣшать чай въ своей маленькой, розовой чашечкѣ.

— Знаете, Валя, мнѣ кажется, что я васъ полюбить. Хорошо такъ полюбиль...

Мнѣ хотѣлось еще что-то сказать, но, очевидно, мы оба смущились. Я сталь спѣшно кушать вишневое варенье, а Валя собирать крошки на скатерти. При этомъ она совсѣмъ склонила свою кудрявую головку, и я видѣлъ только кусочекъ носика.

Идя домой, я представлялъ себѣ комнату, обставленную такъ, какъ наша гостинная, т. е. тяжелая мебель, иконы въ углу, розовая лампада, узорчатая печь, около которой мы съ Валей сидимъ въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ.

Она протянула къ огню свои ножки и говорить мнѣ ласковымъ шопоткомъ:

— Когда же ты подаришь мнѣ пушистую кошечку... Мнѣ не будеть такъ скучно безъ тебя, когда ты въ университѣтѣ.

Я цѣлую ея щеку, ея тонкое плечико и, жмурясь, вдыхаю запахъ розового платьица Вали. Это „Японская сирень“.

„Какъ можно быть счастливымъ“, думаль я и не замѣтилъ, какъ подошелъ къ дому.

Заскрипѣла наша дрезняя комнатка и напомнила мнѣ снова эпоху криолиновъ и одну милую картину: „Когда моя бабушка была невѣстой“.

Весной, когда Валя кончитъ гимназию...

Ну, ты понимаешь,—я женюсь скоро. Ну ну, не хмурься, милый скептикъ. Препятствій никакихъ. Я очень понравился пухлой мамѣ Чернояровой. Чго касается моего почтенного дядюшки...

Выслушавъ меня, онъ такъ расхвотался, что даже поперхнулся дымомъ своей аршинной трубки, но по-

Композиторъ А. Н. Скрябинъ.

(Къ предстоящему въ Харьковѣ концерту 28-го ноября).

томъ понемногу успокоился и, крякнувъ, уронилъ:

— Твое дѣло. Дѣвушка ставная. Семью знаю. Люди домовитые, честные. Только не забудь меня совсѣмъ.

И дядя потрепалъ меня по плечу, что у него всегда являлось выражениемъ самой памятной ласки и любви.

Да, дорогой другъ, ты пишешь о квартирѣ. Конечно, нанимай комнату въ разсчетѣ на меня. Этотъ сезонъ еще проживемъ вѣстѣ. Черезъ недѣльку приѣду. Твой Михаиль.

Ал. Станкевичъ.

СМѢСЬ.

Храбрая невѣста.

Американской злобой дня является теперь предстоящій выходъ замужъ миссъ Джесси Вильсонъ, до此刻а президента республики, за Франциска Сэиръ, видного профессора чикагского университета. Собственно говоря, событие это не настолько уже важно, чтобы могло занимать умы американцевъ, но въ немъ есть нѣкоторыя привлекающія обстоятельства, дѣлающія его особенно интереснымъ.

При всей своей культурѣ янки, какъ известно, не могутъ отдохнуть отъ одной национальной слабости: всѣ они, какъ аристократія, такъ и простой народъ, очень суевѣры. Замужество миссъ Джесси Вильсонъ ихъ очень тревожить, такъ какъ, считая со дня основанія Большой Американской республики, этотъ

бракъ въ Бѣломъ домѣ будетъ... тринацатымъ по счету.

Но, если янки беспокойны, то сама миссъ Вильсонъ на сей предметъ совершенно беспечна. Совершенно не суевѣрна, она хочетъ подать народу примѣръ для подражанія. Молодая невѣста, прежде всего, распорядилась, не взирая на протесты отца, желавшаго, чтобы вѣнчаніе состоялось въ 1914 году, о томъ, чтобы ея вѣнчаніе происходило 13 ноября 1913 года. Недавно подруга миссъ Вильсонъ, дочь морского ministra, дала въ ея честь интимный завтракъ. Миссъ Вильсонъ настояла на томъ, чтобы на завтракѣ было ровно 13 приглашенныхъ, 13 лампъ освещали столовую и 13 лакеевъ прислуживали за столомъ.

Между прочимъ, говорятъ „Б. В.“, интересно отметить, что самъ президентъ Вильсонъ не считаетъ 13 несчастнымъ для себя числомъ. Въ 1913 году его выбрали на высокій постъ, а его имя и фамилія составляются изъ 13 буквъ (Woodrow Wilson).

Къ свадебному торжеству изготавляется пирогъ гигантскихъ размѣровъ. Онъ будетъ вѣсить 150 фунтовъ и будетъ увѣнчанъ громадной вазой съ великолѣпными бѣлыми орхидеями. На этотъ пирогъ ассигновано 1000 рублей.

Въ чужомъ пиру.

Въ Гуллѣ (Англія) пасторъ Баркеръ, лежа въ постели, рано утромъ при свѣтѣ свѣчи читалъ книгу, какъ вдругъ услышалъ за окномъ шорохъ и увидѣлъ лицо полицейскаго, съ фонаремъ въ рукахъ. Такъ какъ онъ жилъ на третьемъ этажѣ, то, подумавъ, что домъ горитъ, пустился бѣжать, какъ былъ, въ одномъ бѣльѣ. Но полицейскій вскочилъ на подоконникъ и, впрыгнувъ въ комнату, пустился вдогонку за пасторомъ, который поспѣшно спускался съ лѣстницы. Прыгнуть на шею своей жертвы было для полисмена минутнымъ дѣломъ, послѣ чего онъ надѣлъ на пастора наручники и потащилъ его къ выходной двери, где стояли жандармы. Но тутъ пасторъ поднялъ такой крикъ, что сбѣжались всѣ жильцы дома. Принявъ полицейскаго за вора, они исконочили его и, связавъ веревками, вынесли на улицу, призываю полицію. За ними выбѣжалъ и пасторъ въ бѣльѣ, потрясая кандалами и обращаясь къ жандармамъ за помощью.

Тогда только все разяснилось. Полицейскій ловилъ вора, забравшагося въ этотъ домъ, и принялъ мерцающую свѣчу пастора за свѣчу злоумышленника.

Пока все это происходило, говорятъ „Г. П.“, настоящій воръ, проникнувъ въ помѣщеніе, одѣлся въ платье пастора, ограбилъ комнату и, спустившись по пожарной лѣстницѣ, оставленной полицейскимъ, благополучно исчезъ.

